

5. Отдельный чувствительный вопрос – взаимоотношения ЕС, стран Балтии и РФ и влияние этого “треугольника интересов” на гео- и этнополитику в регионе.

А. Марцинкявичюс верно отметил, что вступление в ЕС способствовало “формированию единой социальной идентичности” (с. 214), которая при ряде обстоятельств способна замещать этническую идентификацию. При этом дополнительного исследования требуют вопросы, насколько такое замещение содействует консолидации общества и политического режима стран Балтии, а равно насколько такое замещение разрушает/посягает на идею строительства этнонациональных государств Балтии.

Сегодня актуальны суждения о том, что вступление/приобщение к ЕС может стать “переходом в новое качество”, “освобождением от внешней угрозы” и переходом к новому “конструированию национальной идентичности” (с. 263). В свете событий в Украине ориентация стран Балтии на Европу, а равно последствия данных предпочтений должны быть рассмотрены очень внимательно. Правильно нужно оценить и страхи балтийских государств в отношении проводимой Россией политики поддержки соотечественников в сопредельных странах как угрозы “конституционному строю” (с. 171).

Подводя итог, отметим, что книга “Этническая политика в странах Балтии” ориентирована на широкий круг читателей, заинтересованных в понимании и оценке этнополитики государств Балтии, перспектив и путей самоопределения государств постсоветского пространства в общеевропейских реалиях, а равно подходов и оценок данного пути российскими и западными специалистами.

Литература

- Steinberg* 1989 – *Steinberg S.* The Ethnic Myth: Race, Ethnicity, and Class in America. Boston: Beacon Press, 1989.
- Park, Burgess* 1969 – *Park R.E., Burgess E.W.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1969 [1921].
- Kallen* 1915 – *Kallen H.M.* Democracy Versus the Melting-Pot: A Study of American Nationality. Part I // The Nation. 1915. 25 Feb. URL: expo98.msu.edu/people/kallen.htm.

ЭО, 2015 г., № 1

© С.А. Арутюнов. Рец. на: Л.А. Мосионжник. *Технология исторического мифа* / Отв. ред. С.Е. Эрлих. СПб.: Нестор-История, 2012. 416 с.

Фальсификация истории в чем-то сродни фальсификации кофе: на рынок попадает самый разный продукт в широчайшем диапазоне, начиная от внешне вполне пристойного товара, несомненно натурального происхождения, по всем параметрам настоящего, за вычетом одной малости: кофе декофеинизирован, т.е. из него удален настоящий природный кофеин, его бодрящее и мобилизирующее начало, он незаметно заменен дешевой синтетикой. В случае с историей это некий официальный коктейль чисто пропагандистского значения. На другом же конце шкалы можно иметь невероятное разнообразие ультрадилетантской бурды, состоящей из любых видов обжаренного и милого мусора, и рядом не лежавшего с драгоценными зернами исторической истины.

Подмена более или менее аргументированной науки истории дутой псевдоисторической мифологией ведется давно, хотя и по-разному на разных континентах. Для Африки наиболее актуальны взаимоисключающие мифологемы “бремени белых” и “негритюда”, для тюркско-кавказского мира “тэнгрианский прамоотеизм” и “прямое наследие шумеров”. Для Европы же ведущим является некий обобщенный расистский миф примата Севера над Югом, и он-то в разных видах разбирается в данной книге.

Разбор образцов такого мифа начинается в книге Л.А. Мосионжника с “творчества” наристского преступника и “имперского философа” Альфреда Розенберга и его основной книги

“Миф XX века”. “Миф” в данном случае означает лишь опозитизированное изложение якобы подлинных фактов. Тучный и неуклюжий “философ” был по образованию инженером-строителем (в 1917 г. окончил МВТУ, тогда еще не носившее имени Баумана), по происхождению был вовсе не немцем, а сыном эстонца и латышки, писал по-немецки довольно косноязычно (видимо, русским владел лучше) и эрудицией не блистал. Но страстно желая быть принятым как свой человек среди “чистокровных немцев”, эlegantных в духе Геринга и изысканных вроде Геббельса “аристократов” и “интеллектуалов”, творил свои мифы, выдавая их за отражение реальной истории и ее закономерностей. Л.А. Мосионжник дает четкую схему нацистского мифа Розенберга прежде всего для того, чтобы спросить: «Не существуют ли и ныне и не распространяются ли в бывшем СССР “мифы XXI века”, пропагандирующие такие же или подобные идеи в скрытом виде? Причем не у маргинальной тусовки, стремящейся эпатировать “приличную публику”, а у авторов, искренне не подозревавших (или не подозревавших) о какой-либо близости своих идей к писаниям “партийного философа”?» (с. 56–57).

В книге Л.А. Мосионжника разобран или хотя бы затронут целый ряд идейно родственных псевдоисторических мифов, создававшихся и создаваемых именно такими авторами, отечественными и зарубежными, как жившими задолго до Розенберга, так и родившимися тогда, когда его “труды” уже ни в грош не ставились подавляющим большинством что-либо читающей публики. Но наибольшее внимание в этой книге уделено трудам (на сей раз, пожалуй, без всяких кавычек) автора, несравненно более известного, во всяком случае, в русскочитающих странах, неизмеримо далекого от Розенберга по своим этическим, моральным, политическим, общественным позициям, наконец, бывшего, от отличие от последнего, и широко эрудированным ученым, и художественно высокоодаренным человеком. Тем удивительнее выявленное Л.А. Мосионжником типологическое, методологическое и технологическое сходство, доходящее порой до прямых совпадений между мистической натурфилософией Розенберга и опозитизированной метаисторической фантазией Л.Н. Гумилёва.

Конечно, книга Л.А. Мосионжника отнюдь не сводится к сопоставлению или противопоставлению этих двух столь разных авторов. Подробному разбору с точки зрения мифотворческой тенденции подвергнуто творчество еще нескольких историков (или псевдоисториков или квазиисториков). Среди них Н.С. Трубецкой с его концепцией евразийства, О. Шпенглер как теоретик, анализировавший умирание и возрастание цивилизаций, А.Д. Тойнби, крупный исследователь цивилизаций в общей исторической картине мира, наш соотечественник и современник В.Н. Дёмин, пропагандист гиперборейской идеи и писатель-фантаст, Герман Вирт (1885–1981), бывший в нацистской Германии поборником сходных идей и подлинности поддельной хроники “Ура Линда”, сфабрикованной фризскими националистами где-то в середине XIX в. Восьмое, заключительное имя в списке Л.А. Мосионжника не может не удивить – это Дж.Р.Р. Толкин (в книге – Толкиен), автор “Хоббита” и “Властелина колец”. В академической жизни Толкин был литературоведом, специалистом по раннеанглосаксонской словесности, и четко отграничивал свои исследования от своих художественно-фантастических сочинений. Все прочие авторы были убеждены, что имеют дело с реально бывшими событиями, а не с художественным вымыслом.

В книге Л.А. Мосионжника 416 стр., из них 380 – собственно текст. Остальные – библиография и указатель. Попутно отметим высокое качество их составления, хотя имеются и некоторые пропуски: так, отсутствует Гульга (с. 34), Джентиле (с. 387), Мереди (с. 204). Понятно, что подробный разбор в краткой рецензии 400-страничной книги, притом крайне насыщенной разнообразным и сложным содержанием, – дело немислимое. Укажем лишь на исключительно широкую эрудицию автора, хорошо владеющего не только несколькими европейскими, но и китайским языком и полемизирующего на поле китайской истории с Гумилёвым как высокого уровня профессионал с типичным дилетантом. Должен признаться, что я довольно долго не мог закончить эту рецензию, и вот почему: раскрыв книгу наугад на любой странице, не мог оторваться, даже если предмет данного параграфа никак не был связан с содержанием прочитанного ранее. Настолько увлекательным, нетривиальным и интересным оказывалось каждый раз случайно выбранное чтение.

В сущности, рецензировать книгу Мосионжника – занятие бессмысленное. Это произведение “нелинейное”, построенное по принципу ветвления, ограниченного только типографскими возможностями, а рецензия не может строиться иначе, как по линейно-ступенчатой схеме. Поэтому любая рецензия может отразить лишь несколько из многих аспектов этой чрезвычайно многоплановой книги. Ее надо читать не от доски до доски – это мало кому будет под силу,

а отдельными не обязательно последовательно взятыми кусками и разделами. И тогда когда-нибудь поймешь, что наконец прочел ее всю. Это займет немало времени, но книга того стоит.

Если же ограничиться только сутью книги, то достаточно взять анализ основных положений, содержащихся в трудах Л.Н. Гумилёва, и посмотреть встречаемость этих же положений в остальных рассматриваемых трудах. Всего таких положений выделено 30, хотя могло бы быть и 35, и 25, но автор счел целесообразным остановиться именно на тридцати. При этом оказывается, что из этих 30 признаков или положений в трудах А. Розенберга встречается 27, в сочинениях О. Шпенглера – 20, у Г. Вирта и в разобранной им “Ура Линде” – 18, у Н.С. Трубецкого – 15, у В.Н. Дёмина – 14, у А.Дж. Тойнби – 7 и, наконец, у Дж.Р.Р. Толкина (Толкиена) – всего лишь пять. Сочинения Толкина в науку не относятся, автор ни на что, кроме художественного вымысла, не претендует. Труды Тойнби, напротив, должны быть признаны и действительно признаются полноценными научными произведениями, хотя в них имеются элементы мифологического подхода. Исторические труды Н.С. Трубецкого хотя и содержат некоторое рациональное зерно, но всё же в значительной степени должны быть признаны мифологическими, в отличие от его строго научных обоснованных и всеми признанных филологических работ.

Что касается трудов В.Н. Дёмина, то основное их содержание мифологически фантастическое, хотя отдельные его положения могут вполне укладываться в научно доказуемые рамки. “Научность” трудов А. Розенберга, как уже отмечалось, не выдерживает критики, и это же, к сожалению, приходится в целом сказать и о трудах Л.Н. Гумилёва, несмотря на имеющиеся в них элементы интуитивного прозрения.

Книга Л.А. Мосионжника содержит также ряд таблиц и диаграмм, но они лишь расширяют приведенные выше положения. Основной же смысл этой книги подытожен автором на ее последней странице, и лучше, чем это сделал он сам, никто сделать не может:

“Есть наука, дающая человеку социальное и культурное освобождение без ухода в область мифов и без хулиганских нападков на беззащитные тени Галилея и Дарвина. Это – *антропология*, т.е. наука о возможных вариантах человеческого поведения в любой сфере. На каждый вопрос она отвечает: и брак бывает разный, и семья, и понятие о власти, и о собственности, – и все это нормально, все по-человечески. Конечно, конкретные формы брака или власти принадлежат разным культурам, там они причинно обусловлены. Но современные люди могут из этих форм творчески создавать новые комбинации, фактически – творить новые культуры из имеющегося материала, не нуждаясь в обосновании: мол, так жили атланты или блаженные гипербореи. Неважно, делал ли так кто-нибудь до нас, – важно, что мы сами отныне намерены так жить!

[...]

Мифологическое сознание – это прекрасное детство человечества. Но детство должно когда-нибудь кончиться. В наших руках слишком разрушительные силы, чтобы можно было относиться к ним по-детски наивно. А уяснение масштабов Вселенной, для которых вся Солнечная система – не больше пылинки на краю одной из галактик, – должно заставить понять: смешно рассчитывать, что кто-то с неба заботится о нас одних и всегда подстелет соломку, как бы мы ни упали. Или мы будем вести себя разумно и ответственно, или... где-нибудь в Космосе для рода человеческого найдутся дублиеры. Ответственность перед собой, человечеством и (если отдать дань космизму) перед Вселенной несовместима с ребяческой психологией. Пора взрослеть” (с. 385–386).

Пора взрослеть! К этому прибавить более нечего.